ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Зарубежная философия. Современный взгляд

ФРАНЦУЗСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ В ПОИСКАХ МЕТОДА*

Т.Б. ДЛУГАЧ

История французской мысли, ее развитие и диалог с русскими философскими изысканиями всегда вызывали интерес отечественных исследователей. Отечественная мысль тянулась к Вольтеру, Дидро, Руссо, другим известным французским мыслителям.

Известный отечественный философ и теоретик искусства М.А. Лифшиц, по духовному складу и ироническому стилю мышления весьма похожий на Вольтера, отмечал глубину мысли этого великого просветителя и его умение почувствовать новое. В 70-х годах к 175-летнему юбилею Великого французского мыслителя в «Новом мире» Лифшиц писал о Вольтере как о деятеле, способном встать во главе новой растущей силы общественного движения. В рамках своей эпохи он был выдающимся борцом за отмену всех феодальных установлений, за победное движение третьего сословия, более всего был озабочен свободой мысли и терпимостью, что в тех условиях было равносильно рождению нового социального строя и нового мышления. Одним из первых в ту эпоху он пропагандировал терпимые отношения между народами и конфессиями. Ум, ирония, превратили Вольтера в знамя эпохи, его чтили и боялись, с ним искали дружбы европейские самодержцы.

В этом же ключе, в духе борьбы с абсолютизмом, были написаны М. Лифшицем портреты Дидро, Гольбаха, Гельвеция, Руссо. Именно работы М. Лифшица, посвященные передовым мысли-

---

* Продолжаем публикацию статей, подготовленных на основе материалов Международной конференции «Французская философия в России: некоторые итоги и перспективы исследований». Конференция состоялась 14 – 15 сентября 2010 г. в Институте философии РАН и проходила в рамках Года Франция – Россия 2010 (начало см.: Философские науки. 2010. № 11 – 12).

телям Франции, позволили верно оценить значение философии Просвещения для России XVIII в.

Другим известным автором, благодаря которому многие русские читатели узнали о философских заслугах французских мыслителей, был ушедший от нас В.М. Богуславский. Отлично знавший французский язык и философию Франции, он посвятил много работ О. Ламетри, Э. Кондильяку, П. Бейлю, Л.М. Дешану, Ж. Валле, Б. Паскалю, Р. Декарту, Ф. Санчезу. По крайней мере, два поколения российских философов учились по его работам. Кроме того, Богуславскому принадлежит перевод ряда статей из знаменитой Энциклопедии Дидро. Они собраны в вышедшей под его редакцией книге «Философия в "Энциклопедии" Дидро и Даламбера» (М., 1994). Важность этого издания состоит в том, что благодаря ему русскоязычный читатель смог, наконец, познакомиться с Энциклопедией по переводам, а не по изложениям статей в работах разных авторов.

К 200-летию Великой французской революции сектор истории западной философии Института философии издал книгу «Французское Просвещение и революция» (М., 1989), где собрано множество статей (Т.И. Ойзермана, Э.Ю.Соловьева, М.А. Кисселя и др.), касающихся различных аспектов учения просветителей и его связей с революционными идеями.

Изучением французской просветительской философии и в первую очередь способом мышления просветителей я занимаюсь уже 30 лет. Вышедшая в 1975 г. моя монография «Дени Дидро» сосредоточивает внимание как раз на сократическом стиле мышления философа. В таком аспекте философия Дидро стала рассматриваться совсем недавно – так, в юбилейном издании трудов Дидро 1984 г. IV том (в нем содержатся диалоги «Племянник Рамо» и « Жак-фаталист») назван «Сократ Просвещения». В монографии же «Дени Дидро» впервые высказана мысль о том, что в философском оркестре своей эпохи Дидро играл роль вовсе не второй скрипки по сравнению, скажем, с Гольбахом или Гельвецием. Особенность его мышления состояла в том, что в отличие от них он не стремился к однозначным выводам, касались ли они природы, воспитания, необходимости, случайности или чего-либо еще.

Задачей Дидро было показать, что на пути к таким однозначным выводам мысль как бы сбивается с прямой дороги и начинает раздваиваться, приводя к неоднозначным решениям. В этом случае мы сталкиваемся с противоречиями, которых, казалось бы, не должно быть, но они есть, неизвестно, почему. Такие противоре-

чия Дидро назвал парадоксами и сделал их предметом своего размышления. Именно поэтому, на мой взгляд, упомянутые диалоги следует считать философскими романами, ведь их герой – способ мышления эпохи. Дидро берет выводы Гольбаха и Гельвеция, препарирует их – причем речь идет почти буквально о дословных выражениях – и показывает, что, отправляясь от какого-либо тезиса, их авторы неизбежно, хотя и не желая того, приходят к антитезису. И наоборот. Возьмем, например, соотношение природы и воспитания. Всем известно, что теми двумя полюсами, вокруг которых строились все рассуждения просветителей, были природа и воспитание. Но главным в этом тандеме была природа. Именно она объявлялась единственным основанием жизни человека, основанием всех его поступков и действий. Поскольку люди от природы признавались равными, постольку именно обращение к природе требовало установления социального равенства. Воспитание всего лишь следует природе, т.е. учит людей тому, что все они – природные существа, все равны и имеют равные права. Такие выводы кажутся просветителям бесспорно верными и непререкаемыми. Всем, за исключением Дидро.

В самом деле, если в человеке – все от природы, то зло, пороки, преступления – тоже от природы. Можно ли избавиться от них? Как будто можно – посредством воспитания. Но не становится ли в таком случае воспитание более могучим фактором, чем сама природа? И не перестает ли вследствие этого природа быть *единственным* основанием жизни человека? Ни сами просветители, ни исследователи Просвещения не обращали на это несоответствие никакого внимания. Всем казалось естественным, что воспитание следует природе – и все тут. Единственный, кто обратил внимание на это противоречие, и был Дени Дидро. Именно это противоречие он и сделал героем своих романов. Правда, он также не мог объяснить, почему противоречие возникает, ведь, кажется, воспитание только следует природе и не имеет собственной опоры. И все же воспитание должно переделывать природу, иначе какой от него прок? Однако как это возможно?

И Дидро начинает с того, что разрывает «неразрывное единство» природы – воспитания, наделяет разными сторонами различных персонажей, затевает между ними споры, свидетельствующие о существовании противоречия, да вдобавок еще и показывает переход спорщиков на позиции друг друга. Не означает ли это, что позиция каждого противоречива? Не выбран ли диалог в качестве формы исследования совсем не случайно?

Обратимся к диалогу « Племянник Рамо». Как известно, он был написан в один год с «Жаком-фаталистом» – в 1773 г. в Голландии по пути в Россию. Оба диалога очень понравились Гёте и Шиллеру и были опубликованы при их непосредственном участии, сначала на немецком языке. Речь там идет о споре между племянником знаменитого французского композитора, известным скрипачом Рамо и философом; спор – о природе и воспитании. В ходе спора неожиданно выясняется, что не все природное в человеке разумно и что разумное, напротив, состоит в ограничении его природы. По словам Рамо, он любит вкусно есть, сладко спать, но при этом не любит добиваться всего этого своим трудом, а предпочитает жить на подачки богатых людей. Однако это – «естественно». Кем был бы наш друг Рамо, задает он вопрос философу, если бы в один прекрасный день стал выказывать презрение к хорошему столу, к женщинам, к праздности и вздумал корчить из себя Катона? – Лицемером. А Рамо должен быть самим собой. Философ же отвечает ему, что идти против природы и добродетели для того чтобы жить, значит добывать себе хлеб слишком дорогой ценой. Уж лучше поселиться на чердаке и довольствоваться одной хлебной коркой. Рамо насмехается над этим ответом – и не случайно: ведь в данном случае философ защищает аскетизм, что не пристало философу-просветителю, и тем самым отходит от природной сущности человека: как утверждает Рамо, «что касается пороков, то о них позаботилась сама природа»[1]. И действительно, откуда взяться порокам, если все свойства человека определены природой, а она – благодетельна? Или нет? По сути дела, Дидро воспроизводит здесь рассуждения своих друзей Гольбаха и Гельвеция. Как говорит, например, Гольбах, в том, что я, будучи добродетельным с утра, к вечеру совершаю порочный поступок, виноват не я, а частицы продуктов, которые я потребляю, частицы воздуха, которым я дышу и т.п., иными словами, сама природа, каким бы безнравственным ни казалось мое поведение. А по убеждению Гельвеция, природа влечет человека к удовольствиям и всякий человек повинуется этому естественному импульсу, не обращая внимания на нравственность.

Спор продолжается и относительно дальнейшего поведения Рамо. Как вы, возмущается философ, будучи столь чувствительны к красоте, остаетесь равнодушны к прелестям добродетели? Рамо отвечает на этот упрек, что виновата молекула (т.е. природное основание человеческого тела): «У моего отца и дяди одна кровь; у меня кровь та же, что у отца; отцовская молекула была груба и

невосприимчива, и эта проклятая молекула переделала на свой лад все остальное»[2]. В ответ на вопрос, не удастся ли как-то нейтрализовать действие этой молекулы, Рамо отвечает, что из этого ничего не выйдет – ведь природу нельзя переделать; выгони ее в дверь, она влетит в окно. И это же касается воспитания сына Рамо: если ему суждено стать честным человеком, я ему поперек дороги не стану, говорит Рамо; если же нет, то как бы я ни перевоспитывал его, он вырастет таким, каким его сотворила природа – ведь она обусловливает все в человеке. Именно философ, а не Рамо защищает человеческую свободу и возможность вследствие этого перерешить свою судьбу, освободиться от дурных наклонностей. И избавиться от пороков. Но тем самым – и от природы?

Однако самое интересное состоит в том, что совершенно неожиданно Рамо изменяет своим взглядам, перестает прислуживать покровителю и говорит нелицеприятные вещи его фаворитке, вследствие чего его выгоняют из дома на улицу. Когда же философ упрекает Рамо в том, что тот поступил вопреки своим взглядам, Рамо ссылается на «чувство собственного достоинства», которое вдруг берет верх над всеми стремлениями к удовольствиям. А где здесь природа? Кроме того, он противоречит самому себе, когда вдруг начинает уверять, что сына надо воспитывать, потому что, если к дурным качествам прибавятся буйные страсти 30-летнего мужчины, он может убить своего отца и осквернить ложе своей матери. Видно, что позиция Рамо противоречива, но так же противоречива и позиция философа, потому что как философ-просветитель он должен опираться на одну лишь природу, ведь других оснований у человека нет. А он апеллирует столько же к природе, сколько и к воспитанию, которое таким образом оказывается сильнее природы, что невозможно. Невозможно еще и потому, что непонятно, на что может опираться воспитание, кроме природы.

По мере чтения диалога становится все очевиднее, что выявление противоречий входило в замысел Дидро и что у него было совершенно четкое представление о том, что от них избавиться невозможно, хотя и непонятно, почему возникают противоречия между природой и воспитанием. Становится ясно, что диалог – намеренно выбранная им философская (языковая) форма. Сократическая особенность мышления Дидро – налицо, в чем мы убеждаемся и по мере чтения другого его замечательного диалога – «Жака-фаталиста».

Речь здесь также идет не столько о приключениях героев, сколько об их рассуждениях, связанных с приключениями: ге-

рои убеждены в том, что все события обусловлены с необходимостью и что никаких случайностей в их жизни быть не может. Но надо отдать себе отчет в том, что такой взгляд разделяют не только герои Дидро, но и все просветители. Фактически Дидро вкладывает в уста героев доводы своих друзей и хочет показать их противоречивость. Почти все просветители (кроме Руссо) отрицают свободу, и причина этого не только в том, что многие из них выступают против церкви, но и в том, что все они придерживаются механистической концепции. А согласно механике одна причина вызывает только одно следствие, являясь для него также единственной причиной. А, значит, все в мире обусловлено такой неразрывной цепью причин-следствий, из которой нельзя удалить ни одного звена и поэтому все должно было случиться только так, как случилось. Иначе говоря, в мире существует одна лишь необходимость, поскольку все имеет свою причину. Случайность же – это такое явление, причины которого мы пока еще не знаем, но как только узнаем, нам станет очевидно, что иначе и быть не могло. Признание в мире одной необходимости ведет к фатализму. И хотя, кроме Гольбаха, ни один философ-просветитель в этом не признавался, фактически все они были фаталистами. Дидро увидел странность рассуждений своих друзей: ведь если все, что ни случается, необходимо, то необходима и случайность. Налицо парадокс, и Дидро вполне сознательно называет противоречия природы – воспитания, необходимости – случайности парадоксами. Он не может объяснить, почему они возникают, но факт налицо – они есть. И его задачей становится сосредоточить на них внимание читателей и заставить задуматься над этими странностями. Таким образом, Дидро, сам того не желая, подходит к границам здравого смысла и указывает на то, что в его рамках на некоторые вопросы ответить нельзя. Вновь мы сталкиваемся с сократическим методом: Дидро не отвечает на вопросы, он их задает и заставляет читателей самих искать ответы.

Путешествие слуги Жака со своим хозяином связано с признанием необходимости господствующим фактором бытия, вследствие чего Жак сам называет себя фаталистом и сторонником учения Спинозы. Хозяин как будто во всем соглашается с ним, но постоянно наталкивает его на мысль, что это совсем не так и что мир полон случайностей. Так, купив двух лошадей и путешествуя на них, герои неожиданно оказываются подле виселиц, на которых, однако, никаких знакомых не обнаруживается. Во второй раз, когда лошади несут их к виселицам, хозяин выска-

зывает предположение, что либо лошадь Жака с норовом, либо тот будет повешен. Обратим внимание на то, что в данном случае из одной причины вытекает уже не одно следствие, а два. Они умножаются, когда Жак отвечает хозяину, что, возможно, будет повешен не он, а хозяин и что, скорее всего, это будет судебной ошибкой. Наконец, наши путешественники узнают, что лошади ранее принадлежали... палачу и поэтому они, скорее всего, просто бегут привычной дорогой. А привычка – является ли она необходимостью или случайностью?

Далее хозяин замечает Жаку, что хотя тот и называет себя учеником Спинозы, ведет он себя совсем не так: Спиноза учил не смеяться, не плакать, а понимать. Между тем Жак негодовал на несправедливого человека, благодарил того, кто делал ему добро. Когда же хозяин говорил, что его поведение противоречит его же собственным взглядам, Жак отвечал, что если судьба предусмотрела все, то она предусмотрела и это несоответствие. В таком случае следует оставаться самим собой, и это тоже оказывается покорностью судьбе, только более удобной и легкой. Человек ведет себя так, как он сам считает нужным, и не означает ли это, что судьбы нет, *как бы вовсе нет?* Руководим ли мы судьбой или судьба руководит нами? Или то и другое предначертано рядом? Нельзя ли, далее, назвать судьбой самостоятельное решение? И не является ли именно это свободой? «Отнимите свободу, – провозглашает устами своих героев Дидро, – и в мире не будет более ни порока, ни добродетели, ни личных достоинств; награды сделаются неуместными, а наказания несправедливыми»[3]. В этом вопросе, как и во многих других, Дидро не придумывает противоречия, а лишь открывает на них глаза, в его лице мышление просвещения осознает свою противоречивость, парадоксальность, рефлектирует над ней. Он останавливает внимание на тех противоречиях в рассуждениях, например, Гольбаха, которых тот не замечал, когда, например, давал два противоречивых ответа на вопрос, следует ли наказывать преступников. С одной стороны, нет, так как преступник не виноват, в его пороках виновата природа: как она производит не только благородные растения, но и плевелы, так и рождает не одних благородных людей, но и преступников. Вследствие этого фаталист (Гольбах прямо употребляет это слово) должен быть скромным и отзывчивым, он простит своим братьям их прегрешения (убийства? – спросим мы), будет сожалеть о них. С другой же стороны, Гольбах считает наказания – вплоть до смертной казни – необходимыми (ничего

себе сожаления!). Именно на этих противоречиях и сосредоточивает свое внимание Дидро.

Еще один парадокс Дидро находит в эстетике (о нем – в его знаменитом «Парадоксе об актере», который при жизни Дидро издан не был, написан же он был также в 1773 г.). Спрашивается: когда актер будет играть лучше – если он полностью воплотится в образ своего героя или же если отстранится от него, сохранит между героем и собой некоторый «промежуток» и будет соотносить себя с героем? На первый взгляд, верно первое, что, кстати, входит в систему знаменитого русского теоретика искусства К.С. Станиславского. Дидро же устами одного из участников диалога высказывает сомнение. Если бы артисту достаточно было быть только чувствительным, то как он мог бы два раза подряд играть одну и ту же роль с равным жаром и одинаковым успехом? Слишком горячий на первом представлении, на третьем он выдохнется и будет холоден, как мрамор. У чувствительных артистов игра то сильна, то слаба, то плоска, то возвышенна, сегодня они провалят то место, в котором блистали вчера. Между тем как актер, который руководствуется рассудком, будет одинаковым на всех представлениях, так как все было рассчитано и измерено в его голове заранее, до спектакля, и в игру на сцене он вносит лишь отдельные коррективы. Рассудочный актер все время следит за восприятием зрителя и контролирует себя, поэтому он будет то пламеннее, то холоднее, но каждый раз знает, чего добивается, и каждый раз нравится публике.

Участник спора возражает: «Как! Эти жалобные, скорбные звуки, исторгнутые матерью из глубины ее существа и потрясшие мою душу, вызваны не настоящим чувством? Не само отчаяние их породило? – Зачем тогда мне ходить в театр? Чтобы наблюдать притворство?» – Да, отвечает другой, но это притворство, создающее у вас иллюзию действительности, и есть настоящая игра. И доказательством этого является то обстоятельство, что звуки, произносимые артистом, размеренны, они являются частью декламационной системы, и будь они на 1/20 тона ниже или выше, они звучали бы фальшиво. Кроме того, каждый артист включен в целостный ансамбль и, не учитывая игру других (т.е. не рассуждая во время игры), он не смог бы вписаться в него. Мы хотим, продолжает Дидро, чтобы на сцене герой умирал, подобно римскому гладиатору, грациозно и благородно, в изящной и живописной позе. Это и называется быть правдивым в театре и вовсе не означает, что на сцене следует вести себя так же, как в жизни. И сы-

грает эту сцену лучше не чувствительный актер, а рассудочный. Дидро формулирует парадокс: если актер будет самим собой во время игры, то как он перестанет быть собой (воплотится в другого)? А если перестанет быть собой, то как уловит точную грань, на которой нужно остановиться, как оценит реакцию зрителей и исправит свою игру, т.е. останется собой? Как ни странно, только в случае «раздвоения личности» игра достигает цели. Парадокс в том, что актер тем более воплощается в какого-то героя, чем больше он остается самим собой, и наоборот. Этот парадокс, напоминает Дидро, прослеживается у всех великих актеров: в каждой актрисе – одновременно великая Агриппина и маленькая актриса Клерон. Опять-таки подчеркнем: Дидро не знает, какой ответ дать, но он видит, что однозначного ответа быть не может, почему – неизвестно, но это так. А суть дела в том, что любое мышление как развивающееся явление – противоречиво. Правда, ход мысли здесь – от тезиса к антитезису и обратно, противоречия не снимаются в синтезе, как это будет у Гегеля. Парадоксальное движение мысли, подмеченное Дидро, больше напоминает антиномический ход рассуждений у Канта. Над этим стоит задуматься.

Еще один крупный просветитель – Поль Анри Гольбах – сделал задачей своего творчества «перевод» на язык здравого смысла сложных эзотерических истин тогдашней науки и формирование здравого смысла как ума человека своего времени. За последние десятилетия, в связи с тем, что у нас в стране возродилась религия, а Гольбах был воинствующим атеистом, интерес к нему постепенно угас. Между тем это совершенно несправедливо: в те времена борьба со вторым сословием, духовенством во Франции была естественной, а формирование у людей здравого смысла было даже своего рода подвигом, поэтому нельзя недооценивать заслуг Гольбаха. Его нередко обвиняют в том, что он-де говорил банальные, всем известные вещи, что он не открыл ничего нового. Это совсем не так. Забывают о том, что в то время апелляция к ньютоновской механике вовсе не была привычным делом. Совсем наоборот: написанная на латыни главная работа Ньютона «Математические начала натуральной философии», положившая начало новой науке Нового времени, была мало кому доступна. Лишь человек, обладающий таким глубоким умом, знанием языков и естественных наук, как Гольбах, мог осмыслить и понять эту книгу. И не только ее, но и другие достижения механики – кинематики. Он не только осмыслил и понял содержание законов всемирного тяготения

и еще трех законов механики, но и сделал его совершенно понятным простому обывателю.

Пожалуй, кроме него только Дидро был настолько образован, чтобы «справиться» с «Математическими началами», да и он больше интересовался живой природой. Гольбах же тяготел именно к природе неживой и именно ее законы были для него особенно интересны. Он воспринимает из механики учение о природе как совокупности атомов, которые, соединяясь, создают все тела, а, разъединяясь, разрушают их. От Ньютона он воспринял положение о тяготении, притяжении и отталкивании, о взаимодействии сил. И именно он впервые осмыслил все результаты развития науки за истекшие 100 лет. Он был первооткрывателем, а не последователем. Это с его «Системы природы» все другие толкователи «списывали» механическую картину мира. Иными словами, он первый нарисовал картину мира на основе механики. На другой основе в то время это сделать было нельзя, и как раз благодаря Гольбаху Вселенная предстала как сложный механизм вращения планет и цепи бытия всего живого. И надо поблагодарить его за это, а также за то, что он изложил ясным и простым языком сложные истины науки – это тоже мало кому было дано. Ему в первую очередь мы обязаны тем, что воспринимаем как само собой разумеющееся принцип инерции, закон тяготения, закон взаимодействия сил и прочие истины механики.

Есть у Гольбаха и еще одно достижение: он первым сделал механицизм универсальным принципом исследования природы. Конечно, и до него такие философы, как Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк пытались найти всеобщие методы изучения сущего. Но они начинали с бытия в философском смысле и с его законов, а затем распространяли их на естествознание. Гольбах же поступил совершенно по-другому, и в этом его философская оригинальность: он принял за основу знания механику, а ее метод, механистический метод превратил в универсальный способ изучения природы. Можно сказать, что он был основателем механицизма, на который затем опирались многие мыслители XVIII – XIX веков. Разумеется, и Ламетри, и Гельвеций, и другие мыслители прибегали к механистическим объяснениям, но Гольбах первый превратил их в систематическое орудие рассмотрения чего бы то ни было. Камень, минерал, растение, животное, человек, человеческие свойства и само мышление человека – все это он объяснял с точки зрения соединения и разъединения мельчайших материальных частиц – атомов.

И нельзя сказать, что это было неверно – просто это был один из наиболее «поверхностных» (или же «низших») подходов. Ведь и сегодня мы не можем возразить против того, что все состоит из мельчайших материальных частиц и образуется их движением. Основными принципами для Гольбаха остаются притяжение и отталкивание, которые, будучи распространены на общество, выступают как «симпатия» и «антипатия». «Как бы то ни было, нам достаточно знать, что в силу постоянного закона одни тела способны с большей или меньшей легкостью соединяться друг с другом, между тем как другие неспособны к этому»[4]. Последовательно сообщаемое и получаемое движение устанавливает связь и отношения между различными системами тел природы: притяжение их сближает, когда они находятся в сфере взаимного действия; отталкивание их разлагает и разъединяет; первое их сохраняет и укрепляет, второе – ослабляет и уничтожает. Из этого и вытекает признание гомогенности, качественного однообразия всего мира.

Согласно Гольбаху, все в природе связано в единое универсальное движение. Одни тела разрушаются, другие укрепляются; одни разлагаются, другие – образуются. Из разрушенных тел возникают иные тела. Природа регулирует все движения тел: она заставляет их содействовать общему плану ее, который представляет собой сохранение единого целого. «Природа растит и изменяет тела, сближает или удаляет, изменяет, образует или уничтожает, если это необходимо для сохранения ее целокупности, к чему она по существу и по необходимости стремится»[5]. Природа есть действующее, или живое, целое, все части которого бессознательно и необходимо содействуют сохранению общего действия и существованию жизни. Вечный круговорот веществ в природе обусловливает существование единого целого, все части которого связаны так, что изменение одной необходимым образом влечет за собой изменение всех других. В природе все соединено и все движения возникают друг из друга. Движение, постепенно передаваемое, соединяет все тела и предметы.

Такой универсальный механистический подход позволяет рассматривать природу как единое целое, хотя, конечно, не позволяет выявить особенности существования различных веществ и существ. Но, приняв за основу материи единообразные атомы, Гольбах не просто уточнил строение субстанции, но объяснил, каким образом она *порождает* все тела. Под влиянием сил притяжения и отталкивания, имеющих не только физический, но и,

как говорилось, универсальный смысл, материя проявляет свой субстанциальный характер.

Мы попытались развеять миф о банальности и неоригинальности взглядов П. Гольбаха. Он первый создал новую картину мира на механистической основе. Он выделил инерцию, притяжение и отталкивание в качестве основных и всеобщих законов бытия. Он попытался решить главный вопрос: к чему прилагаются эти силы, и таким образом пришел к понятию механистически интерпретируемой субстанции, состоящей из атомов материи.

Ньютона эта проблема не очень интересовала, для него было важно признать наличие предметов как объектов приложения сил. Для Гольбаха же важно не просто существование тел, но нахождение субстанции. Кроме того, ему было необходимо объяснить, как существует движение. И хотя исследователи его творчества обычно удовлетворяются его же словами о том, что материя и движение существовали всегда – и на этом Гольбах настаивает, это один из фундаментальных его принципов – тем не менее, более внимательный анализ приводит к пониманию силы как *импульса* движения. В этом случае Гольбах рассуждает иногда также необычно: не силы возникают как следствия движения, а, скорее, наоборот – действие сил, их напряжение вызывает движение. Сила притяжения и сила отталкивания «изнутри» материи создают как бы нити ее «натяжения», становятся импульсом движения. Объяснение также материалистическое, но несколько иное, чем у большинства материалистов. Именно притяжение и отталкивание создают движение материальных частиц. Парадокс состоит в том, что, признав движение способом бытия материи, Гольбах скрыто подводит к мысли о том, что сила есть более фундаментальное свойство материи, чем даже само движение. Но ведь сила – это не материальная частица, и нельзя сказать, что сила движется, хотя она и движется, так как взаимодействует с другими силами. Сила – это как бы внутренний «заряд» материи, разряжающийся в движении. Движение потому присуще материи, что ей присуща сила. Этот вывод не сформулирован четко в «Системе природы», но он в ней содержится. И, таким образом, сила и движение как бы взаимообращаются: сила вызывает движение, но движение обусловливает силу. Видно, что Гольбах пытается не просто декларировать существование движущейся материи, а хочет объяснить его внутреннюю возможность. В подобных объяснениях Гольбаха выражено его философское стремление продвинуться дальше к истокам бытия. Таинственный для Ньютона «черный ящик», сила

как таковая, внутренняя сущность которой скрыта, но которая содержится внутри каждого тела, прирождена ему, заставляет и тело, и составляющие его частицы совершать движения.

С высоты наших сегодняшних знаний мы могли бы предъявить Гольбаху множество упреков. Возражение вызвало бы то, что разные виды материи и движения объединяются им на основе одних и тех же механических свойств – притяжения и отталкивания. Он не увидел, сказали бы мы, что все эти явления имеют свои особенности, несводимые к механике. К тому же нам показались бы несколько примитивными и упрощенными изложения того, что сейчас общеизвестно – что все тела состоят из атомов. Что здесь оригинального? – воскликнули бы мы. О заслугах «перевода» научных истин на язык здравого смысла мы уже говорили. Надо, далее, вспомнить о том, что 250 лет назад все изложенное нашим героем было далеко не ясно, да и к тому же некоторое упрощение – это цена общедоступности. В тех условиях отказ от божественного вмешательства означал обращение к natura naturans, создающей все. Из чего же она создает все вокруг нас? – Из мальчайших своих кирпичиков, атомов. Они – реальный строительный материал и должны быть однородными, так как у природы – одна основа. Как из кирпича можно построить дворец, а можно – сарай, так и из атомов может появиться животное, растение, а может – человек. Вся разница – в *особой* организации, *особом* расположении атомов. И больше в то время сказать было нельзя. То, что Гольбах принял за основу одинаковые материальные частицы, позволило ему признать единообразие Универсума. Не надо больше было прибегать к каким-либо внеприродным силам.

И механика Ньютона предоставляла для подобных построений нужные элементы. Если мы вновь попытаемся осмыслить конкретную ситуацию, в которой жил Гольбах, то поймем, что впервые нарисовать такую картину природы, какую нарисовал Гольбах, было совсем не просто. Это нам спустя 250 лет кажется, что его проект банален. В свое время его система природа была разорвавшейся бомбой. И действительно: признание единообразия всего существующего дало ему в руки ключ к объяснению абсолютно всех природных явлений, ключ к объединению духовных и физических свойств. Построенный на этой основе эволюционный принцип давал возможность включить человека в цепь Универсума.

Итак, мы увидели, что во французском Просвещении многие его деятели интересовались проблемой метода. В связи с ориента-

цией науки на философию возникает необходимость разработки универсального принципа изучения природы. Особенно важную роль сыграли разработки Дидро и Гольбаха. Но и они еще недостаточно сегодня изучены и ждут своих исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Дидро Д.* Соч. в 10 т. Т. 4. – М.; Л., 1937. – С. 148.
[2] Там же. – С. 177.
[3] Там же. – С. 394.
[4] *Гольбах П.* Система природы. – М., б\г. – С. 95 – 96.
[5] Там же. – С. 47.

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей способа мышления французских просветителей XVIII в. В частности, стиль мышления Д. Дидро характеризуется как «сократический», показывается роль в нем противоречия, неоднозначных решений, диалога. Рассматривается метод мышления П.А. Гольбаха, его универсальный механистический подход, позволивший рассматривать природу как единое целое и приведший к созданию единой механической картины мира.

Ключевые слова:

французские просветители, Дидро, Гольбах, Гельвеций, Руссо, «сократический» стиль мышления, противоречие, механическая картина мира, универсальный механистический подход.

Summary

The article is dedicated to the investigation of thinking of the French Enlightenment. In particular, the thinking style of D. Diderot is characterized as «socratic». This style of thinking presupposes the existence of contradictions, mixed solutions, dialog. The author studies method of thinking of P.H. Holbach, his universal mechanistic approach, that examines the nature as a whole and that leads to creation of the universal mechanical picture of the world.

Keywords:

French Enlightenment, Diderot, Holbach, Helvetius, Rousseau, «socratic» style of thinking, contradiction, mechanical picture of the world, universal mechanistic approach.